

Г. ПОПОВСКА-ТАБОРСКА

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КАШУБСКИХ ДОЛГОТ

Существование долгот у северных кашубов долгое время признавалось в лингвистической литературе бесспорным. Этому немало способствовало богатое научное наследие крупнейшего исследователя словинских и кашубских диалектов Ф. Лоренца, который при описании этих диалектов пользовался для обозначения долгот и интонации сложной системой знаков. Впервые существование кашубских фонологических долгот было подвергнуто сомнению З. Штибером в статье «Проблема кашубских долгих гласных»¹. Анализируя диалектный материал Й. Микколы и Ф. Лоренца², он пришел к мысли о том, что в конце XIX в. в словинском диалекте несомненное фонологическое различие долготы и краткости сохранилось только у гласных *i* и *u*. Подобным же образом изучение кашубских данных, приведенных в работе Г. Брониша о говорах Ястарни и Бора на Хельском полуострове³, показало наличие фонологического противопоставления долгого и краткого *i* только в районе Бора. На основании изучения материалов кашубского грамматиста Ф. Цейновы⁴, З. Штибер полагает, что в севернокашубских говорах второй половины XIX в. различия по длительности еще существовали, хотя и были близки к исчезновению.

Высказывания З. Штибера⁵, а также богатый диалектный материал, собранный на территории всей Кашубщины 2-м Диалектологическим сектором Отделения языкознания ПАН, не оставляют сомнения в том, что кашубских фонологических долгот в настоящее время не существует. Для понимания факта их исчезновения следует более подробно остановиться на показаниях диалектологов прошлого века.

Особенно интересный в этом отношении материал дают работы о вымершем ныне словинском диалекте. Первое хронологически свидетельство Й. Микколы (значительные неточности и неясности в обозначении ударения и количества не позволяют воспользоваться еще более ранними работами Гильфердинга) показывает, собственно говоря, отсутствие фонологических количественных различий: длительность гласных в значительной степени зависела от ударения. Ср.: «В настоящее время долгие гласные, действительно, встречаются только в ударенном слоге... Гласная, представляющая собой старую (пралехитскую) долготу, подвергается сужению и большей или меньшей дифтонгизации, в то время как давняя краткая гласная произносится открыто»⁶. О независимых от ударения различиях по длительности можно говорить на осно-

¹ Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, «Sprawozdania PAU», t. LI, № 8, 1950.

² См.: Й. Миккола, К изучению кашубских говоров, I. Несколько заметок по кашубским говорам в Северо-Восточной Померании, СПб., 1897; F. Lorenz, Słowinzijsche Grammatik, СПб., 1903.

³ G. Bronisch, Kaschubische Dialectstudien, AfsIph, Bd. XVIII, Hf. 3—4, 1896.

⁴ F. Cenôva, Skórb kaszëbskostłowjnskjë mðvé, Svjecè, 1866.

⁵ См., кроме вышеуказанной статьи: Z. Stieber, Elementy prozodii w dialektach kaszubskich (iloczas, intonacja wyrazowa, przycisk wyrazowy), «Slavia», ročn. XXVI, seš. 3, 1957.

⁶ J. Mikola, Urslavische Grammatik, Tl. I, Heidelberg, 1913, стр. 141.

вании данных Й. Микколы только относительно *i*, *u*, *ə*, и то, как кажется, с гораздо большей уверенностью для диалекта Большой Гардны (западно-словинская область), нежели для восточнословинского диалекта Клюк. В этом убеждает анализ двух видов словинского ударения, различаемых Й. Микколой («острое» и «легкое» ударение). Первое из них «встречается только на долгих гласных или, точнее, на дифтонгах с долгим первым компонентом»¹, но «в этимологическом отношении гласный, на котором стоит острое ударение, может быть и кратким, хотя он под этим ударением удлинён»². Другое же ударение («легкое») встречается в Гардне на кратких гласных, и именно — на *i*, *u* и *ə*. В этом случае различия по длительности от ударения не зависят (*pj} sac*, но *pīše*; *mūxa*, но *slūzi*).

Взгляды Ф. Лоренца на вопросы количества в его работах о языке словинцев требуют более подробного рассмотрения ввиду сложности применяемой им системы знаков ударения и интонации³. В «Словинской грамматике» Ф. Лоренц различает три степени длительности: сверхдолгую (три моры), долгую (две моры) и краткую (одна мора); при этом мерой длительности является время звучания безударных *o*, *ä*, *a* в открытом слоге. Долгота ударенных гласных передается пятью различными способами — в зависимости от интонации (акутовой или циркумфлексной), которая, по Ф. Лоренцу, свойственна каждой ударенной гласной. Таким образом, употребляются пять знаков: \wedge — для сверхдолгих акутовых, / — для долгих акутовых, \sim — для долгих под циркумфлексом, \parallel — для кратких акутовых, \backslash — для кратких под циркумфлексом. Тем самым получаются пары: акутовые / (длинная) — \parallel (краткая) и циркумфлексные \sim (длинная) — \backslash (краткая), а кроме того, \wedge — акутовая сверхдлинная. Эта сверхдлинная гласная по отношению к акутовым двухморным является комбинаторным вариантом. В записях восточнословинского диалекта, приводимых Ф. Лоренцом (*pjîsäq* — *pjîšq*, но *pjîskāc* — *pjîšq*), \hat{i} выступает в открытом слоге, \tilde{i} является его комбинаторным вариантом в закрытом слоге. Такая интерпретация материалов Ф. Лоренца отличается от мнения З. Штибера, который считает парой долгую и краткую гласную: $\hat{h}idac$ — $\tilde{h}idq$, $pjîsac$ — $pjîšq$, или, другими словами, — двухморную и трехморную⁴. В обозначении Ф. Лоренца эти пары сводятся к интонационным противопоставлениям (циркумфлекс — акут). При положении в закрытом слоге соотношение «двухморный циркумфлекс — трехморный акут» сводится к соотношению: «двухморный циркумфлекс — двухморный акут». Таким образом, восточнословинские записи Ф. Лоренца скорее всего говорят об о т с у т с т в и и фонологической долготы *i* и *u*. Наличие долготы было бы доказано только в том случае, если бы выявились пары: одноморная — двухморная (или трехморная в открытом слоге).

Подобное противопоставление — вопреки утверждениям проф. Штибера об отсутствии в материалах Ф. Лоренца ударенных одноморных фонем — встречается в западнословинском: *jîc* — *jî.dq*, *vjîskāc* — *vjîšq*, *pjîsac* — *pjîšq*, *vûčic* — *vûčq*, $\ddot{r}ûšec$ — $\ddot{r}ûšq$, *kû.pjîc* — *kû.pjāq*⁵. Здесь везде

¹ Й. Миккола, К изучению кашубских говоров, стр. 7.

² Там же, стр. 12.

³ Как показывают материалы других диалектологов (Г. Бронша, К. Нича, М. Рудницкого, Т. Лера-Сплавинского) и как это доказал в упомянутых статьях З. Штибер, фонологическая словесная интонация в современных кашубских диалектах не существует и не существовала также и в языке словинцев. Вероятно, Ф. Лоренц принял за интонацию характерное при сильном динамическом ударе повышение тона на ударенных гласных.

⁴ См. Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, стр. 505.

⁵ В записях Ф. Лоренца точка означает «фонетическое» удлинение (phonetische Dehnung) следующего согласного (в отличие от удлинения этимологического — etymologische Dehnung). Фонетическое удлинение согласного выступает исключительно в ударенных слогах, причем только после краткого гласного. Удлинение же этимологическое — ср. *vyššy* — от ударения не зависит.

представлены пары: одноморная — двухморная (трехморная), что позволяет предполагать в языке западных словинцев сохранение фонологической долготы *i*, *u*. Именно такое понимание показаний Ф. Лоренца, во-первых, в большей степени согласуется с данными его предшественника Й. Микколы, во-вторых, объясняет состояние, которое мы находим в материалах М. Рудницкого, относящихся главным образом к району Клюк, т. е. к восточнословинской области (см. ниже).

Соотношение «одноморная — двух-, трехморная» встречается еще в одном случае: *lã·, p̃jic — lûp̃jã, řã·c̃ec — řũc̃ã, pã·tãc — p̃tãq, d̃im — dã·mũ*. В этих парах, аналогичных рассмотренным выше, *ã* (*ã̃*), замещающее краткие *i*, *y*, *u*, сохраняет свою краткость (исключения составляют зап.-словин. *ã* на конце слова, которое, согласно материалам Лоренца, в этом положении удлинняется: *mã, tã, p̃xlã*). В восточнословинском, где имеем *lãp̃jic, pãtãc, řãc̃ec, dãmũ*, произошло удлинение старой краткой гласной (*ã*) под ударением.

Итак, в свете данных Ф. Лоренца, вопрос о наличии в западнотсловинском говоре фонологической долготы *i*, *u* не вызывает сомнений. Количественные различия выступают и в безударных позициях (*řilac — řilãq* наряду с *vãřilac — vãřilãq*), хотя и менее четко: в краткой ступени удлинения гласной нет, долгая ступень, по терминологии Лоренца, представлена полудолгим (*halblang*) *ĩ*, которое, однако, никогда, по-видимому, не совпадает с гласной краткой. В одном лишь случае можно говорить о нейтрализации фонологической долготы и краткости в западнотсловинском диалекте, именно, когда *ĩ* находится перед *j*. По мнению Ф. Лоренца, удлинения гласной здесь не происходит (*j* остается кратким), а вместо этого удлиняется краткое ударенное *i*: *bjiãq, p̃jiãq*. Вообще весь материал Ф. Лоренца в области словинского вокализма (за исключением *i*, *u* и их рефлексов) поражает отчетливой зависимостью длительности гласных от ударения. Это хорошо представлял себе и сам Лоренц, когда рассматривал возможности появления долгих гласных и дифтонгов¹.

В 1911 г. речь словинцев исследовал М. Рудницкий. Он склонен был считать пережитки старых фонологических долгот исключительной принадлежностью *i*. Это сохранение краткого и долгого *i* в основном наблюдается в восточнословинском говоре, наиболее подробно изученном М. Рудницким, т. е. именно в том говоре, который, как показал Ф. Лоренц, должен иметь под ударением только долгие *i* и *u*. Свой вывод о сохранении различий по длительности у *i* Рудницкий высказывает весьма осторожно: «В некоторых случаях количественные различия еще сохраняются, однако они находятся в стадии непрерывного исчезновения»². М. Рудницкий обозначает долготу только над *i*, отмечая при этом, что наряду с формами с *ĩ* имеются «параллельные формы с *i* обычной, средней для ударных гласных длительности, прежде всего в безударном положении» (разрядка моя. — Г. П.)³. Анализ словинских текстов М. Рудницкого показывает чрезвычайно большую пестроту при обозначении фонологической долготы *i*. Здесь имеется: *χ'žila//χo'žila, 'čiste//čisto, 'pjitõl//pitõl, 'jic//jic, 'rip//rip* и т. д. Таким образом, почти каждый случай с долготой имеет свое соответствие с краткостью; долгота преимущественно выступает под ударением.

Из всего сказанного ясно, что фонологическая долгота была у словинцев явлением остаточным, ограничивалась исключительно гласными *i* и *u* и последовательно выступала только в западнотсловинских говорах.

Остается неясным, различались ли *i*, *u* только по долготе (*ĩ — i, ũ — u*), или же здесь имели место и определенные качественные различия. Записи

¹ F. Lorentz, указ. соч., стр. 17 и сл.

² M. Rudnicki, Przyczynki do gramatyki i słownika narzecza słowińskiego, «Materiały i prace Komisji językowej», t. VI, Kraków, 1913, стр. 73—74.

³ Там же, стр. 27.

Ф. Лоренца показывают известные регулярные соотношения: *ī* и *ÿ* (они обозначаются здесь через *i*, *u*) и *ī̄*, *ÿ̄* (обозначаются через *ī*, *ÿ̄*). Первую пару Ф. Лоренц называет открытыми гласными (*offene*), вторую — закрытыми (*geschlossene*). М. Рудницкий высказывает сомнение, можно ли говорить о закрытом и открытом словинском *u*, и ищет причины разграничения, предложенного Лоренцем, на немецкой почве (нем. *Hütte* и *hüten*). Для *i* он решительно отвергает все параллели с немецким языком: в немецком языке *ī* всегда краткое, сниженное, *ī̄* — долгое, высокое, а в словинском, по его мнению, качественной разницы между рефлексам старых *ī* и *ī̄* нет.

Что касается количественных отношений в ныне вымершем кабатском диалекте (глубчицко-цееновский говор), то, как на это уже указывал З. Штибер¹, материал, представленный Ф. Лоренцем в приложении к «*Slovinzische Grammatik*» (*Die Lautlehre des Kabatkischen*), говорит о полном отсутствии в этом говоре фонологических долгот и о сильной зависимости длительности гласных от места ударения.

Перейдем к рассмотрению свидетельств сохранившихся до наших дней кашубских диалектов. Из материалов двух работ Ф. Цейновы, относящихся к шестидесятым годам XIX в.², следует, что в современных ему севернокашубских говорах долготы сохранялись, однако уже тогда появлялось влияние ударения на отношения количества³.

О еще более сильном воздействии ударения на длительность гласных свидетельствует материал, представленный Г. Бронишем в его монографии о говорах Ястарни и Бора на Хельском полуострове, дополненной рядом диалектных текстов северной кашубщины⁴. Факты Хельского полуострова ясно показывают, что фонологическое противопоставление долгого и краткого *i* сохранялось еще в конце XIX в. в Боре, но не сохранялось в Ястарне⁵. Почти во всех текстах других говоров, записанных Бронишем, а именно — говора Халуп и Кузниц, говора Кемпы Сважевской и Кемпы Пуцкой, говора Люзина и меховско-стажинского, различаются *ī* и *ī̄*. Лишь говоры Пуцка, Полчина и Кемпы Оксывской представляют несколько иную картину: здесь произошло сокращение безударных гласных; ср. *š̄yl*, *ž̄yl*, но *pr̄ōsz̄yl*, *č̄örn̄y*, *l̄ędz̄y*. В говорах Ясеня и Букова (деревни, расположенные на запад от Картуз) долготы, как пишет сам Г. Бронис⁶, выступают непоследовательно.

Как известно, при делении кашубских диалектов на северные и южные Ф. Лоренц исходил главным образом из факта сохранения у северных кашубов фонологических долгот. В южных поморских диалектах, писал он, «количественные различия гласных утратились. Долгих гласных нет, различаются лишь гласные, подвергающиеся или не подвергающиеся удлинению, причем в этом отношении их давняя долгота или краткость не играют никакой роли»⁷. Вопреки такому пониманию, материал Лоренца показывает отсутствие фонологической долготы и на севере кашубской области. Старые количественные отношения продолжают здесь в различиях тембра. При этом сомнения вызывают опять-таки только *i* и *u*. Ф. Лоренц и здесь применяет разные знаки для двух различных по тембру звуков *i* : *ī̄* — для *ī̄*, *i* — для *ī*; равным образом *ÿ̄* для *ÿ̄*, *u* — для *ÿ*. Говоря об истории *i*, он пишет: «Развитие поморского *i* происходит таким образом, что открытое *i* изменяется в суженное, тем самым сливаясь фонети-

¹ Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, стр. 506.

² См.: F. Cejnowa, указ. соч.; е г о ж е, Zarés do grammatikj Kašébsko-slovinjské mòvé, Poznań, 1879.

³ Подробный анализ материала Ф. Цейновы содержится в статье З. Штибера «Zagadnienie iloczasu kaszubskiego» (стр. 507—508).

⁴ G. Bronisch, указ. соч.

⁵ Ср. Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, стр. 506—507.

⁶ G. Bronisch, указ. соч., стр. 88.

⁷ F. Lorentz, Teksty pomorskie, Kraków, 1924, стр. XXXIX.

чески с поморским *i*. Полное совпадение произошло в южной части поморской области..., где оба звука выравнялись также в количественном отношении, тогда как в севернопоморских говорах выравнивание шло по качеству, а количественные различия сохранились»¹. «В восточнословинском диалекте и в глущицком говоре существует под ударением *i* долгое, в остальных случаях везде краткое»² (разрядка моя.— Г. П.). Так же обстоит дело и с рефlekсами *u*: в восточной части словинской области и в глущицком говоре под ударением выступает долгое, без ударения краткое *u*. Малая и Большая Гардна (западнословинская область) и остальные севернопоморские говоры сохраняют под ударением краткое *u*.

Таким образом, западнословинская область не была единственным заповедником фонологической долготы *i* и *u*. Такое же положение (за очень незначительными исключениями для восточнословинских диалектов и глущицкого говора) господствовало в севернокашубской области еще в начале XX в.

Любопытно, что дольше всего количественные различия сохраняются у *i* и *u*³, хотя именно для этих, самых кратких по своей природе гласных можно было бы ожидать наиболее раннюю утрату количественных отношений (так, например, в некоторых моравских говорах различия по длительности *i* — *ī*, *ū* — *ū̄* исчезали при одновременном сохранении количественных различий для других гласных). В польском языке, как и в моравских говорах, исчезновение долгот началось в гласных *i*, *y*, *u*. «...В этих гласных,— говорит В. Циран,— как наиболее кратких (по своей природе) различия по длительности и разница в тембре постепенно становились все менее заметными для слуха, так что их редко обозначали на письме. Таким образом, здесь эти различия исчезли раньше всего...»⁴.

Возникает предположение, не был ли особый процесс исчезновения кашубских долгот каким-либо образом связан с чисто кашубским изменением *ī*, *ū̄* ≥ *ə*. В результате этого пары *ī* — *ī̄*, *ū̄* — *ū̄̄* стали в некоторых позициях различаться по тембру (*ī* — *ǐ̄*, *ū̄* — *ǔ̄*); однако были случаи, где *i* и *u* не изменили своего качества и где долгота продолжала оставаться основным различительным признаком (*i* сохраняло свой тембр после мягких согласных, *ū̄* — после заднеязычных и губных). Для долгих *ī* и *ū̄* замена количественных различий качественными была труднее, чем для других гласных (особенно незначительной была качественная разница рефлексов *ī* — *ī̄*). Параллельно выступающие в языке пары: *i* — *ǐ̄*, *ū̄* — *ǔ̄* и *ī* — *ī̄*, *ū̄* — *ū̄̄* — могли влиять друг на друга. Качественно различающиеся пары могли способствовать сохранению длительности, т. е. единственного различительного признака пар, не изменивших тембра. В свою очередь наличие пар *ī* — *ī̄*, *ū̄* — *ū̄̄*, несомненно, благоприятствовало сохранению долготы в параллельных *i* — *ǐ̄*, *ū̄* — *ǔ̄* (ср. западнословинские пары *i* — *ī*, *ū̄* — *ū̄̄* при всегда кратком *ə* и отсутствие фонологической долготы в восточнословинском при одновременном появлении подударного долгого *ə*). Удлинение подударного *ə* (*młenoś* «мельник», *'zāle* «они жили», *pyedar- 'ējēš* «подаришь»), которое в настоящее время спорадически встречается в Боре и Ястарне на Хельском полуострове, — явление совсем новое, как и исчезновение противопоставления *ī* — *ī̄*, *ū̄* — *ū̄̄*.

Сильное динамическое ударение было, несомненно, одной из причин, вызвавших утрату старых количественных отношений у кашубов. Севернокашубское подвижное ударение и в настоящее время вызывает значительные различия в длительности и определенности артикуляции удар-

¹ F. L o r e n t z, Gramatyka pomorska, zesz. 3, Poznań, 1932, стр. 232.

² Там же, стр. 233.

³ На это обращает внимание З. Штибер (см. «Zagadnienie iloczasu kaszubskiego», стр. 508).

⁴ W. C y r a n, Ślady iloczasu w głównych zabytkach języka polskiego XIV i XV wieku, BPTJ, zesz. XI, 1952, стр. 17.

ных и безударных гласных, вследствие чего возникает целый ряд вариантов, зависящих от расположения ударения в высказывании. Еще определеннее «акцентная апофония» (термин Ф. Лоренца) выступала в словинских диалектах: «При самом сильном ударении выступают формы с вполне ясными и отчетливыми дифтонгами, под более слабым ударением дифтонги становятся менее четкими, переходят в звуки более или менее однородные.... В безударных же позициях это настоящие монофтонги»¹.

Таким образом, следует признать, что описанная выше зависимость от ударения отнюдь не способствует сохранению старых фонологических долгот. Если принять во внимание, во-первых, что в результате подвижного ударения одна и та же гласная находится в данной парадигме то под ударением, то вне его, во-вторых, что это ударение действует на старые долгие и на старые краткие гласные, наконец, в-третьих, что при сильно развитом фразовом ударении слово — в зависимости от его положения во фразе — может обладать более сильным или более слабым ударением (это влечет за собой разную степень дифтонгизации ударных гласных), — станет понятным исчезновение фонологической кашубской долготы.

В этой связи стоит обратить внимание на следующий курьез: именно на севере кашубщины, где динамическое ударение особенно сильно и вызывает отчетливые изменения гласных, долгота сохранялась дольше всего. Более слабое южнокашубское начальное ударение не изменяет ударных гласных, хотя известно, что на юге количественные различия исчезли раньше. Польское постоянное ударение еще слабее, хотя в Польше исчезновение долгот, как полагают, произошло раньше, чем у кашубов. Эту проблему отчасти старается разрешить М. Рудницкий, устанавливая, что «зависимость длительности звука от акцента, как и переход словинских количественных различий в качественные, очень недавнего происхождения»². Признавая правдоподобие этой гипотезы, не следует, однако, забывать, что уже сравнительно давно некоторые изменения кашубского вокализма были в известной мере обусловлены ударением.

Именно такая, по всей вероятности, наиболее давняя зависимость от ударения представлена в кашубском переходе $\bar{i}, \bar{y} \geq a$. Уже Ф. Лоренц обращал внимание на то, что в глущицком, цеценовском, харбровско-лэбском, оседком, гневинско-салинском и тыловском говорах «безударное $\bar{i}\bar{e}$ регулярно выступает в виде $\bar{i}\bar{u}$: $du\bar{u}z\bar{e}$, $g\bar{u}\bar{x}\bar{i}$, $pu\bar{e}tu\bar{y}k\bar{a}$ $pu\bar{y}tu\bar{y}k\bar{a}$ (наряду с $pu\bar{o}tu\bar{e}$ $\bar{e}\bar{s}$ $potu\bar{d}\bar{e}\bar{s}$ и $stu\bar{e}k\bar{a}$ $stu\bar{d}k\bar{a}$), $su\bar{y}\bar{x}\bar{a}$ (наряду с $su\bar{o}\bar{x}\bar{a}$ $su\bar{o}\bar{x}\bar{a}$), $pu\bar{p}\bar{a}\bar{n}\bar{y}$ (наряду с $pu\bar{e}\bar{n}\bar{a}$) ... »³. Подобное явление было мною отмечено в обследованных севернокашубских диалектах. Ср.: $gu\bar{u}'\bar{x}\bar{i}$, $gu\bar{u}'\bar{x}\bar{e}\bar{x}$ (род. пад. мн. числа) при центральнокашубском $'gu\bar{o}\bar{x}\bar{i}$ $'gu\bar{o}\bar{x}\bar{e}\bar{x}$; $'du\bar{e}k\bar{s}\bar{i}$, но $du\bar{u}'\bar{z}\bar{i}$; $'pu\bar{e}tu\bar{y}k\bar{a}$, но $'stu\bar{e}k\bar{a}$ и $pu\bar{e}'tu\bar{d}\bar{e}\bar{s}$. Указанное изменение не ограничивается только старой группой $-i\bar{u}-$. Особенно много случаев такого рода известно в севернокашубском Вершхуцине. Ср.: $'ps\bar{e}u\bar{y}$, но $'zepsu\bar{y}$, $'ps\bar{e}l\bar{a}$, но $'zepsul\bar{a}$, а также: $'m\bar{e}u\bar{y} - 'u\bar{m}\bar{i}\bar{y}$, $'m\bar{e}l\bar{a} - 'u\bar{m}\bar{i}l\bar{a}$, $'\bar{s}\bar{e}u\bar{e} - 'u\bar{s}\bar{i}\bar{y}\bar{e}$, $'\bar{s}\bar{e}l\bar{a} - 'u\bar{s}\bar{i}l\bar{a}$; императив $\bar{s}\bar{u}'kyta$, но ср. центральнокашубское $'\bar{s}aketa$; $'v\bar{s}ukota$, но $'\bar{s}ak\bar{o}i\bar{t}\bar{a}$, $'\bar{s}ak\bar{o}\bar{i}$; $ka'\bar{s}\bar{e}ba$, но $'p\bar{z}e$ $ka\bar{s}ub\bar{s}k\bar{y}$.

Сильная зависимость от ударения наблюдается также в формах типа: $'budu\bar{y}\bar{a} - bu'd\bar{a}j\bar{e}\bar{s}$, $'daru\bar{y}\bar{a} - d\bar{a}'r\bar{e}j\bar{e}\bar{s}$, $'dra\bar{s}u\bar{y}\bar{a} - dra'\bar{s}\bar{e}j\bar{e}\bar{s}$. Подобная «акцентная апофония» свойственна на севере кашубской области старому i : $'u\bar{s}\bar{i}\bar{y}\bar{a} - u\bar{u}'\bar{s}\bar{e}j\bar{e}\bar{s}$, $'u\bar{m}\bar{i}\bar{y}\bar{a} - u\bar{u}'m\bar{e}j\bar{e}\bar{s}$. Ср. засвидетельствованные Ф. Лоренцом $kalv\bar{a}r\bar{i}\bar{y}\bar{a}$ $vel\bar{e}c\bar{i}\bar{y}\bar{o}$ наряду с $z\bar{o}k\bar{r}\bar{e}st\bar{i}\bar{y}\bar{o}$, $Franc\bar{e}\bar{i}\bar{y}\bar{o}$, $bibl\bar{i}\bar{y}\bar{o}$. Наконец, следует отметить сохранение в северо-западных кашубских деревнях (Вершхуцино, Жарновец, Дембкц, Надоле) в безударном

¹ М. Rudnicki, указ. соч., стр. 50.

² Там же, стр. 26.

³ F. L o r e n t z, Gramatyka pomorska, стр. 226.

конечном слоге старого *iŷ*: *təŷu*, *zepsuŷu*, *sĭgneŷu*, *pŷeŷu*; ср. им. падеж мн. числа *ŷkoŷu*, *stoŷu*, *ŷegŷu*, *kŷescoŷu*. Подобные случаи находим и в материалах Ф. Лоренца.

Из приведенных фактов, как видно, следует, что об «акцентной апофонии» в северокашубских областях можно говорить уже для времени изменения *i, ŷ ≥ ə*. Сильнее проявлялась она, по-видимому, в северо-западных кашубских диалектах, нежели в вымерших теперь словинских. Это едва ли не самый древний вид кашубской зависимости вокализма от ударения (если не считать старых, отличных от польских, кашубских сокращений и удлинений гласных, регулятором которых, по общепринятому мнению, было ударение). Затем словинские и близлежащие области охватила новая волна зависящих от ударения преобразований вокализма, вызвавшая существенные изменения как в тембре, так и в длительности ударных и безударных гласных. Несомненно, это уже был период исчезновения кашубских фонологических долгот.

Перевела с польского
Т. С. Тихомирова